

СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ В ПИСЬМАХ, ЗАПИСНЫХ КНИЖКАХ И СВОДНЫХ ТЕТРАДЯХ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ (скобочные вставки как авторские комментарии)

С.А. Ахмадеева

Аннотация. Описывается смыслообразование в письмах и дневниковых текстах Марины Цветаевой. Выявлены связи авторского комментария со смысловой насыщенностью и установкой на самоистолкование, характерными особенностями творчества Марины Цветаевой. Описаны типология заключенных в скобки вставных конструкций, их назначение в эпистолярном и дневниковых текстах поэта.

Ключевые слова: Марина Цветаева; письма; записные книжки; сводные тетради; скобочные вставки (вставные конструкции); авторский комментарий; графемы; внутренняя диалогичность; внешняя диалогичность.

Своеобразное восприятие вещей Марина Цветаева передает, по-своему реставрируя естественные, по ее мнению, связи явлений внешней жизни. И это восприятие часто не совпадает с общепринятым. Увидеть и понять созданные поэтом связи помогают авторские комментарии, содержащие новые смыслы. Прочтение смыслов эпистолярных и дневниковых текстов Марины Цветаевой при помощи авторских комментариев, заключенных в скобочные вставки, как представляется, будет способствовать более глубокому пониманию языковой личности поэта. А типология скобочных вставок позволит выявить новые особенности дневников и писем как эго-текстов, ориентированных на внешний диалог автора письма с адресатом и внутренний диалог автора дневникового текста с самим собой.

Эти комментарии в цветаевских письмах, записных книжках и сводных тетрадях обусловлены *смысловой насыщенностью* и *избыточной пояснительностью* и реализуют «установку на самоистолкование», которая, как полагает М.В. Ляпон, проявляется «в регулярном нарушении линейности изложения, в аритмии текстообразования» [1. С. 266]. Смысловая насыщенность проявляется в авторских метафорах, фразеологизмах, знаках препинания, графическом маркировании и вставочных конструкциях, которые акцентируют внимание на авторской логике и новых смыслах слов и отдельных морфем, в синтаксической организации текстов, интертекстуальности и автоцитировании. Фрагментарность, свойственная письмам и дневниковым записям Цветаевой, позволяет ей представить единый творческий процесс в виде последовательности частей, внешне разрозненных, но внутренне связанных между собой. *Эксплицитная связность* фрагментов записных книжек и сводных тетрадей создается словесными повторами и т.д., *имплицитная* отражается в логике рассуждения и поддерживается авторскими пояснениями и комментариями в виде вставок, отсылающих к предыдущим и прогнозирующих последующие записи.

«**Вставки** – это такие фрагменты высказывания или высказывания, формально лишённые самостоятельности путем включения их в другие высказывания, особым способом связанные с ним» [2. С. 61]. Эта связь выражается «в интонационном разрыве на границах вставки и включающего высказывания и на письме маркируется скобками, тире или многоточиями» [Там же]. Разрыв нарушает линейность речи и создает двуплановость повествования. Вставки актуализируют глубинный смысл фразы и этим усложняют ее структуру, увеличивая емкость и информативность текста. О.Г. Ревзина [3. С. 475], анализирувавшая вставочные конструкции в поэзии М. Цветаевой, утверждает, что скобочные вставки (термин О.Г. Ревзиной) способствуют созданию внутреннего диалога поверхностного и глубинного смыслов. Е.И. Гаврилова полагает, что «вставки... являются показателями “внутренней” и “внешней” диалогичности текста» и «отражают некоторые личностные характеристики: способность к рефлексии, ассоциативность мышления, настроенность на продуктивную коммуникацию» [2. С. 9]. Применительно к цветаевским письмам «внешняя диалогичность» предполагает полемику адресанта и адресата в переписке, а «внутренняя диалогичность» в дневниковых записях выражается в столкновении авторской и общепринятой точек зрения.

В цветаевских письмах и дневниковых текстах вставки – это **авторские комментарии** (реализация *установки на самоистолкование*). Комментарии приносят в письмо и дневниковую запись дополнительную фактуальную или пресуппозиционную информацию. Она актуализирует фрагмент записи в письме или дневниковом тексте, обращает внимание адресата или читателя (себя) на важную для Цветаевой мысль, понятие, отношение к какому-либо явлению, факту. Авторский комментарий в дневниковой записи позволяет Цветаевой сосредоточиться на описании творческого процесса и наметить перспективы развития замысла. Поэтому такие вставки-комментарии можно охарактеризовать как своеобразный *метатекст*, состоящий из *вставок* – содержательных, формальных или эмоциональных комментариев автором собственных высказываний. В них реализуется рефлексия пишущего – его оценка собственной речевой деятельности (по М.В. Ляпон – самоистолкование. – С.А.). Другой вид вставок – *фатические вставки* – активизирует творческую позицию читателя, приглашает его к сотворчеству [2. С. 116–117]. Сотворческий характер чтения был важен для Цветаевой: «А что есть чтение – как не разгадывание, толкование, извлечение тайного, оставшегося за строками, пределом слов. (Не говоря уже о “трудностях” синтаксиса!) Чтение – прежде всего – сотворчество» (Поэт о критике) [4. С. 292]. Все, заключенное по этому в скобки, тире, выделенное в абзацы, воспринимается адресатом письма как предназначенное ему одному. В записных книжках и сводных тетрадах такие вставки – шифры к прочтению для самой Цветаевой. В письма, записные книжки вставки вносились *спонтанно*, возникая в процессе размышления-записывания. В сводных тетрадах они появлялись

по ходу перенесения в них записей из писем и записных книжек, когда отдельные слова и фрагменты из них становились поводом к новым размышлениям – авторским комментариям в виде слов-пояснений в скобках, нередко подчеркнутых Цветаевой (в изданиях выделяется курсивом), отмеченных графическими знаками, датированных высказываний, цитат и авторских цитат, заданий самой себе.

«Скобки, – отмечает О.Г. Ревзина, – обладают большей парадигматической глубиной, вводят в высказывание как бы две плоскости. ...Первая, основная плоскость высказывания отдается повествовательным мотивам и описывающему, “объективному” субъекту, вторая – субъекту, эмоционально переживающему, оценивающему, размышляющему. ...Во вторую плоскость (в скобочную вставку) входит семантическая информация, касающаяся эмоциональной реакции лирического субъекта, модальность возможности, ретроспективная оценка, попытки общих суждений, уточнения, причинность, обоснования» [3. С. 476–469]. О.Г. Ревзина выделяет две разновидности скобочных вставок: 1) носящие локальный характер, связанные с основным предложением, относящиеся к одному из его членов вставки-номинации [3. С. 472, 474]; 2) выступающие средством текстовой организации автономные высказывания, синтаксически не связанные с основным предложением [3. С. 472, 475].

I. 1. К первому типу, полагаем, можно отнести *вставки-номинации* (слова и сочетания в скобках) и *вставки-пояснения* отдельных слов и словосочетаний, *ремарки*, выраженные словами, словосочетаниями, сопровождаемые восклицательными и вопросительными знаками. Они, как правило, находятся в конфронтации с первой номинацией, отражающей общепринятое значение объекта, так как относятся к уровню понимания сути познаваемого автором и выражают его точку зрения. «С помощью первой номинации осуществляется идентификация объекта с помощью скобочной – дается предикативная (по большей части метафорическая) характеристика» [3. С. 474]. Так сталкиваются два принципа называния – *идентифицирующий* и *метафорический*, когда «не только предметы получают признаковую характеристику, но и овеществляются, а также подвергаются толкованию отвлеченные понятия. ...Скобочные номинации ...оформляют ту вторую глубинную плоскость, в которой дается осмысление названному факту, выдвигается иная, в том числе отвергаемая точка зрения» [3. С. 474–475]. Чаше это адекватное выражение смысла, поясняемого вставкой слова или сочетания. Таким словом мог быть контекстный синоним, а также существительное, проясняющее его внутреннюю форму (Я *всегда* хотела любить, всегда испуленно мечтала слушаться, ввериться, быть вне своей воли (*своеволия* – здесь и далее в примерах светлый курсив мой. – С.А.), быть в надежных и нежных руках. // М.И. Цветаева К.Б. Родзевичу. 2 октября 1923 г. (№ 9)) [5. С. 87] или модальное слово, оценивающее и разъясняющее смысл всей фразы (Моя простонародная нелюбовь к белому цвету (*и марко, и пусто!*) // ЗК6) [6.

С. 343] или комментирующее словоупотребление (Блоку как-то – не улыбается (глагол здесь употреблен как например: не плачется, не вздыхается.) // ЗК8) [6. С. 115].

Цветаева как-то сказала: «Вся пресловутая “фантазия” поэтов – не что иное, как точность наблюдения и передачи. Все существует с начала века, но не все – *так* – названо. – Дело поэта – заново крестить мир» [7. С. 159]. Поэтому слова в скобках толкуют и *переназывают* известные под другими названиями объекты и явления, становясь их контекстуальными синонимами (В мире у меня есть дело только до военной музыки (*подвига*) и до не-военной (*наслаждения*). К остальному я безразлична. // ЗК5) [7. С. 257]. (Статья написана *просто* (*это не значит, что я над ней не работала, – простота дается не сразу, сложность (нагроможденность!) легче!*), читалась она предвзято. Один из критиков отметил, что я свою внешность считаю прекрасной (*помните, о красоте и прекрасности?*) – я, которая вообще лишена подхода к какой-либо внешности, для которой просто-внешности (*поверхности, самого понятия ее!*) нет. // М.И. Цветаева А.А. Тесковой. 8 июня 1926 г. (№ 23) [8. С. 58].) В этом фрагменте Цветаева отсылает А.А. Тескову к уже знакомой ей статье «Поэт о критике». Развернутый комментарий, эмоциональные вставки-номинации и вопрос-напоминание необходимы для выражения авторского негодования (эмигрантская критика не смогла понять такой простой статьи!) в диалоге с адресатом письма и для создания и разъяснения нового смысла слова «внешность» как синонима слова «поверхность» – чего-то наносного, не сущностного для самой Цветаевой.

2. *Сноски* дают читателю правильное направление интерпретации, указывают на расхождение с общепринятой точкой зрения. Е.Б. Коркина и М.Г. Крутикова указывают, что цветаевские сноски на полях или под текстом рукописи обозначаются «авторизацией в скобках: (Примечание М. Цветаевой)» [9. С. 455]. (Безумие ли это во мне, моя непрестанная действительная *{еще прочтут – девственная! (Примечание М. Цветаевой) – Сост.}* жизнь: Души – Мысли – Сердца? Вечная бессонница – и во сне – всего существа. И что с этим делать в старости, когда сейчас уже – богатая всем, что дает Молодость, – я со свойственным мне сердечным тактом – чувствую, что я на каком-то скользком пути с людьми (*к людям!*). / Точно между мной и человеком не ровная земля, не квадратики паркетного пола, а наклонная плоскость. / (От меня – к человеку {рисунок косой линии сверху вниз. – С.А.} Это определяет и мое движение к человеку и его продвижение ко мне. Впрочем, я и не даю ему продвигаться – не дожидаясь – точно эта наклонная плоскость к тому еще – жжет под ногами!) // ЗК8) [6. С. 150–151]. Измененное окончание последней фразы первого абзаца подчеркивает одиночество поэта на пути к другому человеку по наклонной плоскости (эту обособленность подчеркивает и личное местоимение «я»).

3. Обширные *вставки-размышления*, заключенные в скобки, тире, отчеркивания нередко появляются в записях под влиянием слова-стимула

или цитируемой реплики, с которой полемизирует Цветаева. Тогда создается «текст в тексте», без которого правильно понять авторскую мысль читателю крайне сложно. Таким словом в предыдущем примере стало сочетание «наклонная плоскость». О ней, которая жжет ноги идущим на встречу друг другу людям, – вставка-период, заключенная в скобки и содержащая рисунок этой плоскости.

4. *Датированные комментарии-задания* (Уединение и Одиночество / (додумав, определить) // ЗК8) [б. С. 211]. Родство слов и смыслов предполагает, тем не менее, смысловые различия, которые необходимо было определить более четко. (Ограниченным может быть только бездушный. Душа – безгранична, и акт (*факт*) ее – снятие всех границ. / (А умственных? Додумать. 1933 г.)» // СТ2) [9. С. 356]. Вставка «(факт)» превращает акт (действие) снятия всех границ для человека духовного в факт бытия у него души как условия безграничности его природы. Но эта безграничность должна сдерживаться умственными границами, иначе это может привести к необратимым последствиям. Характер таких последствий и было необходимо «додумать».

5. *Эмоциональные комментарии* выражаются *графическим маркированием и знаками препинания*. Они встречаются и в записных книжках, и в письмах духовно близким людям и отражают тенденцию к диалогизации. Основная функция таких вставок – приглашение согласиться с автором письма или убедить саму себя в правильности оценки явления, современника, литературного факта. Чаще всего они выражаются прямым или косвенным императивом, экспрессивными словами – как общеизвестными, так и авторскими, графическим маркированием отдельных слов во вставке (Как в других и из других – инстинкты, так из меня – душевное. Инстинкты души. / Бог мне дал такое самосознание, самопризнание только потому, что знал, что меня (**КАК** меня) не узнают и не признают. // ЗК14) [б. С. 412]. Замена во вставке союза местоименным наречием изменяет смысл высказывания – с утверждения о том, что Бог знал о будущем поэта (о факте незнания и непризнания) на то, что именно было Ему известно о проявлениях этого непризнания.

Вставки-номинации, вставки-пояснения, вставки-ремарки, сноски, вставки-размышления, датированные комментарии-задания и эмоциональные комментарии доминируют в *дневниковых текстах* Цветаевой. Полагаем, это связано с их способностью «вести» линию *лирического субъекта*» [3. С. 476], под которой О.Г. Ревзина понимает «передачу информации, глубинным образом связанной с субъектом, «причем в разных ипостасях»: облик, творчество, введение «чужого слова», «вхождение в человеческую общность», «информация о личности как таковой, данной в ее неповторимости ее качеств, поступков, жизненной судьбы» [Там же].

Исследователь подчеркивает, что скобочные вставки «не втянуты в арсенал средств поэтического языка» на первом этапе развития поэтического идиолекта, их потенциал как выразительного средства синтаксиче-

ского уровня раскроется в 1920-е гг. [3. С. 469]. Подчеркнем, что именно в эти годы Цветаева начнет активно вести записные книжки и переписку со многими адресатами.

II. Вставки в цветаевских *письмах* ориентированы на эпистолярный диалог с адресатом и часто апеллируют к мыслям, высказанным им в письме, на которое отвечает Цветаева. Часто они содержат прямое обращение к адресату письма, его характеристику и передают комплекс различных модальностей, вызванных содержанием диалога с ним. Это О.Г. Ревзина обозначила как способность скобочных вставок «вести» *линию адресата*» [3. С. 478]. Особенно много таких вставок, структурно не связанных с основным высказыванием, но семантически необходимых, в переписке М.И. Цветаевой с Н.П. Гронским, Б.Л. Пастернаком, письмах Цветаевой к К.Б. Родзевичу, А.А. Тесковой и другим адресатам.

1. Одна из разновидностей в письмах – *вставки-риторические вопросы, содержащие утверждения*, с которыми поэт предлагает адресату согласиться (Еще думала об одном: мы, и без того преобразующие, мы, обвинение в гиперболичности несущие как хвалу (*а есть хвала – вне гиперболы? А гипербола сама – не есть ли хвала Создателю, создавшему такое*) – с тем воспитанным наклоном недоумения в ответ на вещь заведомую – во что бы мы, ты и я, превратили любовь, стихию гиперболы, родное лоно ее. М.И. Цветаева Б.Л. Пастернаку. Начало августа 1927 г. (№ 104)) [10. С. 370].

2. Интертекстуальная информация в письмах вводится во вставки в виде *названий, имён, артефактов, событий, аллюзий на собственные и чужие тексты*, ставшие объектами ее размышлений. Эта информация актуализирует диалог с адресатом, начатый в предыдущем письме, или выявляет связь произведения с литературным и национально-культурными контекстами (вставки могут содержать отсылки и автоцитаты). В письме к А.А. Тесковой из курортного местечка Сент-Жиль Цветаева противопоставляет Океан (и море как таковое) горам (ранее, в письме Б.Л. Пастернаку 23 мая 1926 г. она также писала о своей нелюбви к морю и любви к горам) и поясняет это противопоставление при помощи аллюзии к пушкинскому стихотворению, которому спустя десять лет в автобиографической прозе «Мой Пушкин» посвятит строки, отождествившие стихию и поэзию (Океан. Сознаю величие, но не люблю (никогда не любила моря, только раз, в первый раз – в детстве, под знаком пушкинского «Прощай, свободная стихия!») // М.И. Цветаева А.А. Тесковой. 8 июня 1926 г. (№ 23)) [8. С. 58].

III. Третья группа скобочных вставок – *вставки, содержащие графические знаки в сочетании со знаками препинания*, распространена и в письмах, и в дневниковых записях Цветаевой.

Комментирование фраз в письмах и дневниках Цветаева сопровождается графическими знаками (NB! и др.), знаками препинания в скобках (!), (?) и их сочетаниями – *графемами* (по Е.И. Гавриловой), расставляя,

как отмечает Б.С. Мучник, с их помощью логические ударения. «При чтении эти графемы соответствуют изменениям интонации, передавая ею авторское отношение к предмету речи» [11. С. 37]. (Я у Вас буду в среду к 8 ½ – 9 часам, чтобы 1) сразу посмотреть и просмотреть как можно больше 2) (оно же в третьих) – *не обедать и не объедать* (NB! О пользе твердого знака) // М.И. Цветаева Н.С. Гончаровой. 18 февраля 1929. (№ 6)) [12. С. 27]. Предваряя свой комментарий графемой, Цветаева обращает внимание на сходство и различие родственных слов. А.А. Тесковой М.И. Цветаева свои встречи с Н.С. Гончаровой рисует так: «...– Пишу большую не-статью о Н. Гончаровой, лучшей русской художнице, а м.б., и художнике. ...Я *ее* пишу (NB! Как художник, именно портрет!), а она пишет иллюстрации к моему «Молодцу». Ни я, ни она не показываем» // М.И. Цветаева А.А. Тесковой. 19 февраля 1929 г. (№ 51)) [8. С. 138–139]. Помета NB! необходима, чтобы подчеркнуть единую природу творчества поэта, пишущего словесный портрет, и художника, воссоздающего поэму в иллюстрациях. (Бойтесь понятий, облакающихся в слова, радуйтесь словам, обнажающим понятия. / (NB! Поняла: бойтесь одежды, радуйтесь – сути. Май 1939 г.) // СТ4) [9. С. 543]. В этой записи из старых записных книжек 1926–1927 гг. помета NB! и дата перенесения высказывания в тетрадь подчеркивают правоту поэта и передают радость от нахождения более краткой формулы высказанной более десяти лет назад мысли.

Итак, скобочные вставки в эпистолярном и дневниковых текстах Марины Цветаевой – конструктивный и смыслообразующий компонент, авторский комментарий к отдельным словам, высказываниям.

Реализуя установку на самоистолкование, возникающие в процессе создания *письма* скобочные вставки-номинации и вставки – риторические вопросы адресату дают ему необходимые пояснения к авторской мысли и поддерживают диалог с поэтом. В *записных книжках* вставки-номинации показывают процесс рождения мысли в слове, и они, как правило, спонтанны. В *сводных тетрадах* вставки возникают при занесении в тетрадь ранних записей и писем и принимают вид развернутых датированных размышлений, заданий самой себе, оценочных высказываний, сопровождаемых графемами и знаками препинания.

Такие вставки помогают Цветаевой переосмыслить и прокомментировать ранее написанное, создавая и поясняя новые смыслы слов и высказываний.

Условные обозначения

1. СТ – сводная тетрадь.
2. ЗК – записная книжка.
3. Полу жирный курсив в примерах показывает, что слово было подчеркнуто М.И. Цветаевой.
4. / – абзац.

Литература

1. *Ляпон М.В.* Языковая личность: поиск доминанты // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность : сб. ст. / под ред. Ю.С. Степанова, Е.А. Земской, А.М. Молдована. М., 1995. С. 260–276.
2. *Гаврилова Е.И.* Вставки в текстоцентрическом и антропоцентрическом аспектах : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2002.
3. *Ревзина О.Г.* Семантика вставочных конструкций // Ревзина О.Г. Безмерная Цветаева: Опыт системного описания поэтического идиолекта. М., 2009. С. 467–478.
4. *Цветаева М.И.* Собр. соч. : в 7 т. Т. 5 : Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. М., 1994.
5. *Цветаева М.И.* Письма к Константину Родзевичу. Ульяновск, 2001.
6. *Цветаева М.И.* Неизданное. Записные книжки : в 2 т. Т. 2: 1919–1939. М., 2001.
7. *Цветаева М.И.* Неизданное. Записные книжки : в 2 т. Т. 1: 1913–1919. М., 2000.
8. *Цветаева М.И.* Спасибо за долгую память любви...: Письма Марины Цветаевой к Анне Тесковой. 1922–1939. М., 2009.
9. *Цветаева М.И.* Неизданное. Сводные тетради. М., 1997.
10. *Цветаева М.И., Пастернак Б.Л.* «Души начинают видеть»: Письма 1922–1936 гг. М., 2003.
11. *Мучник Б.С.* Основы стилистики и редактирования. Ростов н/Д, 1997.
12. *Цветы* и гончарня. Письма Марины Цветаевой к Наталье Гончаровой (1928–1932). Марина Цветаева. Наталья Гончарова: Жизнь и творчество. М., 2006.

SEMANTIC FORMATION IN MARINA TSVETAEVA'S LETTERS, NOTEBOOKS AND DIARIES (BRACKET FRAMING CONSTRUCTIONS AS AUTHOR'S COMMENTS)
Akhmadeeva S.A.

Summary. The semantic formation in Marina Tsvetaeva's letters, diary's texts is described in this article. The relations between author's comments and semantic richness and installation on self-interpretation which are characterized by the peculiarities of Marina Tsvetaeva's creative work are revealed. The typology of bracket framing constructions and their meaning in Marina Tsvetaeva's epistolary and diary's texts are described.

Key words: Marina Tsvetaeva; letters; notebook; diaries; bracket framing constructions; author's comments; graphemes; internal dialogues; external dialogues.